

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 821.161.1.09–343

Н. И. Милевская

ВЕРСИИ И МИФЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА О ЖИЗНИ И СМЕРТИ ЛЕРМОНТОВА

Рассматриваются версии и мифы, высказанные яркими представителями религиозно-философской мысли и поэтами Серебряного века о жизни и смерти Лермонтова; анализируется и систематизируется их понимание трагедии – гибели поэта, выявляются общие места в их взглядах на поэта (краткосрочность его жизни, незавершенность литературной судьбы и неясность судьбы религиозной, гипотетическое продолжение жизни поэта). Взгляд на дуэль как на самоубийство.

Ключевые слова: Михаил Лермонтов, литературная критика, религиозные философы, метафизические представления, жизнь и смерть.

В русской религиозно-философской мысли просматриваются общие места, версии и мифы о смерти Лермонтова.

Первое – это констатация краткосрочности жизни поэта. Он – метеор, комета. Так, Розанов писал: «Пала звезда с неба, недогорев, недолетев. Метеор» [1, с. 292]. Мережковский считал, что «Лермонтов... вспыхнул и погас неожиданным, таинственным метеором, прилетевшим из неведомой первобытной глубины народного духа и почти мгновенно в ней потонувший» [2, с. 215]¹. Им вторил К. Бальмонт: «Пушкин – заря наша, Лермонтов – комета, Тютчев – звездная ночь, Фет – любовный сад, звонкая от птичьих песен роща» [3, с. 159]. Е. Колтоновская, как и Мережковский, признавала, что Лермонтов приблизился к современности (ее статья написана в 1914 г.): «Давно ушедший от нас, мятежный поэт бурь был чужд всего будничного и обыденного. Это и сближает его с нашей современностью» и добавляла: «Как метеор, он внезапно озарил в нас это другое усталую, разочарованную душу и исчез» [4, с. 122–123]. Как следствие того, что жизнь его – промелькнувшая комета, она признается загадкой.

Второе общее место в критике – признание значимости и значительности, но незавершенности как литературной судьбы Лермонтова, так и неясности его судьбы религиозной. Погиб поэт в 26 с половиной лет. Есть эта мысль у Розанова, как всегда разработанная философом оригинально: «Он умер в годы, когда Гоголь написал только „Вечера на хуторе близ Диканьки“ и „Миргород“, Достоевский – „Бедных людей“ и „Неточку Незвано-

ву“, Толстой „Детство и отрочество“ и кое-что о Севастополе и Кавказе: т. е. „вечно печальной дуэлью“ от нас унесена собственно вся литературная деятельность Лермонтова, кроме первых и еще неверных шагов. Напротив, Лермонтов – даже неугадываем, как по „Бедным людям“ нельзя было открыть творца „Карамазовых“ и „Преступления и наказания“, в „Детстве и отрочестве“ – творца „Анны Карениной“ и „Смерти Ивана Ильича“, в „Миргороде“ – автора „Мертвых душ“. Но вот, даже и не раскрывшись, даже непредугадываемый – общим инстинктом читателей Лермонтов поставлен сейчас же за Пушкиным и почти впереди Гоголя. Дело в том, что по мощи гения он несравненно превосходит Пушкина, не говоря о последующих...» [5, с. 296]

Четко сформулировал эту же мысль С. Дурьлин, припомнив, что в 26 лет Данте не написал еще «Божественной комедии», Гёте не закончил I части «Фауста» и вовсе не начинал еще II, Пушкин – без II половины «Евгения Онегина», «Маленьких трагедий», «Медного всадника», Фет – без «Вечерних огней», Лев Толстой – без «Войны и мира» и последующих произведений, Достоевский – только с «Бедными людьми». Поэтому «Лермонтов должен быть судим в сравнении с двадцатилетними же Гёте, Пушкиным, Достоевским, и тогда, ни Толстому, ни Достоевскому нечего будет противопоставить своего – лермонтовскому „Герою нашего времени“» [6, с. 4–5]. К этому следует добавить и то, что не только творчество, но и короткую жизнь поэта можно и должно судить, учитывая ее краткосрочность. Если поэт и пребывал

¹ О мифах Серебряного века писали неоднократно: Маркович В. М. Миф о Лермонтове на рубеже XIX–XX веков // Имя – Сюжет – Миф. СПб., 1996. С. 115–139; Челкасов А. В. Особенности «субъективной критики» Д. С. Мережковского (миф о Лермонтове – поэте сверхчеловечества) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2000. Вып. 6 (22). С. 30–35.

в сомнениях, безверии, если богоборчество его порой преобладало над его религиозностью, а чувство богооставленности над чувством богосыновства (о чем пишут исследователи и философы, отказывающие Лермонтову в религиозном чувстве), то, учитывая опять-таки ранний возраст гибели поэта, а также право личности на сомнения в поисках истины в сложнейших вопросах бытия, недаром заявленных как «проклятые вопросы», приходится признать, что последние стихи поэта (особенно из записной книжки, подаренной В. Одоевским) все-таки демонстрируют перевес религиозного мирозерцания, умиротворения, смирения. Однако если вчитаться в различные противоречивые отзывы о религиозности и богоборчестве поэта, то необходимо признать: все писавшие отмечали глубокую религиозность, религиозное чувство, пронизывающее многие произведения поэта. И. Андреев воспринимал поэта «в глубине глубин своего сердца, – трогательно – стыдливо, по-детски религиозного»: «Но когда он оставался наедине с красотою природы, происходило дивное и чудное чудо: он весь преображался, застывал в безмолвном созерцании этих красот, с глубоким душевным покоем начиная вслушиваться в тишину и тайну бездонного неба, и начинал духовными очами видеть, как „пустыня внемлет Богу“ и слышать, как „звезда с звездой говорит“» [7, с. 199, 201]². О способности Лермонтова понимать «пифагорейскую музыку сфер», о цветовой и звуковой символической творчестве подробно писал П. А. Флоренский. Пушкинскому пророку шестикрылый серафим даровал способность видеть и слышать недоступное простому человеку («дольней лозы прозябанье», «горних ангелов полет»). Лермонтов владел этим пророческим даром, и, безусловно, дар этот связан с верой поэта.

Д. Андреев свидетельствовал: «...с первых лет и до последних, тихо струится, журча и поднимаясь порой до неповторимо дивных звучаний, вторая струя: светлая, задушевная, теплая вера. Надо было утратить всякую способность к пониманию духовной реальности до такой степени, как это случилось с русской критикой последнего столетия, чтобы не уразуметь черным по белому написанных, прямо в уши кричащих свидетельств об этой реальности в лермонтовских стихах. Надо окаменеть мыслью, чтобы не додуматься до того, что Ангел, несший его душу на землю и певший ту песнь, которой потом заменить не могли ей „скучные песни земли“, есть не литературный прием, как это было у Байрона, а факт. Хотелось бы знать: в каком же поэтическом образе следова-

ло бы ждать от гения или вестника свидетельство о даимоне, давно сопутствующем ему, как не именно в таком? Нужно быть начисто лишенным религиозного слуха, чтобы не почувствовать всю полноту и глубину его переживаний, породивших лирический акафист „Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...“» [8, с. 196]. Признание глубокой религиозности поэта, перевеса религиозного чувства над всеми остальными, в разное время владевшими поэтом, многозначительно тем более, что оно исходит от людей религиозных, философствующих «внутри церковной ограды» (как, например, И. Андреев), знакомых с некоторыми религиозными откровениями через собственный мистический опыт (как, например, Д. Андреев).

Третье общее место в критике – попытка продолжить гипотетически жизнь Лермонтова. Что было бы дальше с его судьбой: не только литературной, но и личностной? И здесь сразу же необходимо признать, что очень часто судьба Лермонтова прогнозировалась как пророческая, т. е. объединялись в миссии Лермонтова религиозные смыслы судьбы и искусства. За Лермонтовым признавалось нечто великое, даже сверхчеловеческое, опять все то же: «в человеческом облике не совсем человек». Так, еще Гоголь подметил: «Поприще великое могло ожидать его, если бы не какая-то несчастная звезда, которой управление захотелось ему над собой признать» [9, с. 27]. Верил в гений Лермонтова и Л. Толстой: «Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имеющий» [10, с. 577].

Перу Розанова принадлежит масса рассуждений о судьбе Лермонтова: «У Лермонтова была такая сила, что, „выпади случай“ – и он мог бы в неделю поднять страну. Просто – вскочили бы и побежали; у всех затуманились бы головы» [11, с. 471]. Вся коротенькая заметка Розанова «О Лермонтове» (всего один лист) – полностью посвящена раздумью о судьбе поэта: «Что „Спор“, „Три пальмы“, „Ветка Палестины“, „Я, мать Божия“, „В минуту жизни трудную“, – да и почти весь, весь этот „вещий томик“, – словно золотое наше Евангелие – Евангелие русской литературы, где выписаны лишь первые строки: „родился... и был отроком... подходил к чреде служения“... <...> Мне как-то он представляется духовным вождем народа. Чем-то, чем был Дамаскин на Востоке; чем были „пустытники Фиваиды“. Да уж решусь сказать дерзость – он ушел бы „в путь Серафима Саровского“. Не в тот именно, но в какой-то около этого пути лежащий путь... Байрон с его вы-

² О пифагорейской музыке сфер см.: Милевская Н. И. П. Флоренский о М. Ю. Лермонтове // Науч. тр. Московского пед. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. М., 1998. С. 91–100.

крутасами не под стать серьезному и чистому Лермонтову. Лермонтов был чистая и ответственная душа. Он знал долг и дал бы долг. Но как – великий поэт. Он дал бы канон любви и мудрости. Он дал бы в „русских тонах“ что-то вроде „Песни Песней“ и мудрого „Екклезиаста“, ну и тронул бы „Книгу царств“... И все кончил бы дивным псалмом. По многим, многим „началам“ он начал выводить „Священную книгу России“» [12, с. 642–643]. Поэзия Лермонтова – это «евангелие русской литературы», поэт мог быть «пророком на русский лад», ожидал его «путь Серафима Саровского или около этого лежащий путь», начал он «Священную книгу России» – поистине великое предназначение было у Лермонтова, по мысли Розанова. Россия осиротела после смерти Лермонтова. И тем не менее философ просит «простить о б щ е ю р у с с к о ю д у ш о ю» убийцу поэта: «„Миша“ ему бесспорно простил („прости меня, Миша“), да и мы ничего не помним, а только плачем о себе» [12, с. 641–643]. Вот уж, действительно, чисто лермонтовское утверждение: «Что часто им прощал я то, / Чего б они мне не простили» [13, т. I, с. 149]. Точно так, как не прощенным оказался Лермонтов из-за Печорина, убившего Грушницкого, нарушившего христианскую заповедь: «Не убий», по мнению М. Дунаева [14]. Другими словами, Печорин должен был не сопротивляться, а, напротив, должен сам «подставиться» под пулю Грушницкого.

Еще поразительнее раздумья Розанова в «Мимолетном»: «Ну, а если „выключить Гоголя“ (Лермонтов бы его выключил) – вся история России совершилась бы иначе, конституция бы удалась, на Герцена бы никто не обратил внимания, Катков был бы не нужен. И в пророческом сне я скажу, что мы потеряли „спасение России“. Потеряли. И до сих пор не находим его. И найдем ли – неведомо» [1, с. 292].

Не менее значительной миссию Лермонтова видел Д. Андреев, посвятивший несколько страниц в «Розе мира» разгадке этой одной из «глубочайших загадок нашей культуры» – миссии поэта. Он писал: «Какой жизненный подвиг мог найти для себя человек такого размаха, такого круга идей, если бы его жизнь продлилась еще на сорок или пятьдесят лет? <...> Но мне лично кажется более вероятным другое: если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого – непредставимого для нас и неповторимого ни для кого – жизненного пути, который привел бы Лермонтова – старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены

и послужили к обогащению духа и где мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что все человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и с трепетом радости.

В каких созданиях художественного слова нашел бы свое выражение этот жизненный и духовный опыт? <...> Так или иначе, в 70-х и 80-х годах прошлого века Европа стала бы созерцательницей небывалого творения, восходящего к ней из таинственного лона России и предвосхищающего те времена, когда поднимается из этого лона цветок всемирного братства – Роза Мира, выпестованная вестниками – гениями – праведниками – пророками» [8, с. 195–197].

Вместе с признанием незавершенности миссии, высокого назначения поэта практически все писавшие о его ранней гибели пытаются понять ее причины гибели, причины ухода поэта из жизни, отмечая не только что-то роковое, но и какую-то добровольность Лермонтова в таком уходе, пытаюсь проникнуть в то, что могло способствовать добровольному уходу – добровольному именно со стороны погибшего на дуэли поэта. Часто саму дуэль рассматривают как самоубийство, как очередной фаталистический эксперимент. И эти суждения можно отнести к еще одному – четвертому общему месту в критике о судьбе Лермонтова.

Так, Андреевский писал: «Один только Лермонтов искренно презирал жизнь, как бы щеголяя своим превосходством над нею, и швырнул ее от себя прочь, „comme un morceau de boue“ „Швырнул прочь как комок грязи“ – фр. Оборот из письма М. Ю. Лермонтова, из-за пустяшной ссоры» [15, т. II, с. 205]³. Н. Лосский отмечал: «Лермонтов с его загадочным характером способен был написать кощунственное стихотворение „Благодарность“, обращенное к Богу с ироническими выражениями благодарности и заканчивающееся просьбою:

„Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне / Недолго я еще благодарил“.

Желание его было исполнено: через полгода на дуэли пуля попала ему прямо в сердце. И этот самый Лермонтов обладал высокой способностью религиозного опыта» [16, с. 308].

Брюсов в статье о Лермонтове писал: «Пуля, сразившая Лермонтова, не была случайной. Он всю жизнь как бы искал этой освобождающей пули» [17, с. VI]. Е. П. Тиханчева так поясняет эту мысль поэта: с презрением Лермонтова к людям и к окружающей жизни Брюсов связывал его «пребрежение» и к своей «собственной личной жизни». В поступках Лермонтова он находил много общего с Печориным, тоже рисковавшим своей

³ См. статью Милевской Н. И. М. Ю. Лермонтов в восприятии С. А. Андреевского // Филол. науки. 1996. № 5. С. 94–103.

жизнью из удали. «По пустому поводу» Лермонтов готов был, как казалось Брюсову, выйти на поединок... [18, с. 180].

Вообще – сравнение дуэли Печорина и Грушницкого с дуэлью Лермонтова и Мартынова можно отнести также к общему месту как литературной критики, так и биографии поэта. Так, Г. Адамович писал: «Нельзя читать без волнения рассказ о дуэли Печорина, о его настроении перед поединком, который мог бы оказаться для него роковым; о его чувствах, о его поездке верхом, на рассвете, к месту встречи; нельзя отделаться от впечатления, что Лермонтов рассказывает это о себе, заглядывая в будущее, оставляя нам какой-то незаменимый документ. От этих страниц мысль сама собой переносится к тому, о чем столько уже было сказано и что остается, однако, вечным предметом наших сожалений, упреков, догадок, раскаяний, сомнений: как же все так случилось, что ни т о г о, ни д р у г о г о в России не уберегли?<...>

Предмет для размышлений почти беспредметный, книга падает из рук, а когда принимаешься читать снова, понимаешь опять с новой силой, какое несчастье смерть того, кто ее писал» [19, с. 88–89].

К. Зайцев подробно проанализировал роман Лермонтова и дал свое понимание кажущейся двусмысленности от восприятия героев многих его произведений: «„Двусмысленность“ эта – высоко-го калибра, ее не уложишь в рамки литературной критики...

Нельзя без волнения воспринимать во внешности Печорина многие характерные черты, слово в слово совпадающие с теми, которые людьми, лично знавшими Лермонтова, приписывали ему. Это волнение принимает мистический характер, поскольку читатель отдает себе отчет в том, в какой мере роман носит духовно-автобиографический характер. Но есть что-то обнадеживающее в том, что кровавая развязка фабулы романа оказалась, так сказать, н е г а т и в о м развязки жизни автора. <...> Но в последние минуты жизни Лермонтова эта нездоровая веселость покидает его. Он серьезен и спокоен, и зло уже безвластно над ним. “Рука моя не поднимается, стреляй ты, если хочешь...” Может быть, Лермонтовым и не сказаны были точно эти слова, записанные в дневник на другой день после похорон поэта одним его, по видимому, старым знакомым, оказавшимся проездом в Пятигорске во время дуэли, но едва ли можно сомневаться в том, что именно таково было состояние духа Лермонтова под дулом пистолета Мартынова» [20, с. 114–115]. Следует добавить, что Лермонтов, участвуя в двух дуэлях, не стрелял в противника. Если вспомнить, что он был профессиональным военным и принимал участие в воен-

ных действиях, то его отказ стрелять в противника действительно свидетельствует о состоянии духа, при котором рука не поднимается стрелять. Факт того, что Лермонтов в двух дуэлях разряжал пистолет, стреляя в сторону, свидетельствует о том, что он не оставлял выстрела за собой, не желал прибегать к дуэли.

Свою версию гибели Лермонтова представил современный литературовед, С. Белоконов, также находя сходное в обстоятельствах дуэли Лермонтова и дуэли Печорина: дуэль готовилась секундантами как своеобразный спектакль, который был бы своего рода мстостью автору «Героя нашего времени» за изображение в романе придуманных им обстоятельствах дуэли Грушницкого и Печорина. Однако, спектакль не удался. Исследователь подробно проанализировал обстоятельства дуэли Лермонтова: «Стреляющий первым Лермонтов не мог, учитывая ничтожность размолвки и тяжесть грозящих ему последствий, целиться в Мартынова. Это было бы по сути обыкновенное убийство, на которое он, конечно, не пошел бы ни при каких условиях. Но и выстрелить мимо Лермонтов не мог, ибо дистанция столь ничтожна, что трудно выполнить безукоризненно эту процедуру.

Для Мартынова же дуэль на указанных условиях превращается попросту в фарс» [21, с. 170].

Лермонтов стрелял в воздух в дуэли с Барантом уже после выстрела своего противника. В дуэли с Мартыновым он стрелял в воздух первым, предоставляя дальнейшее право действовать своему противнику. С. Белоконов цитирует дуэльные правила: «Стрелять в воздух имеет только право противник, стреляющий вторым. Противник, выстреливший первым в воздух, если его противник не ответил на выстрел или также не выстрелил в воздух, считается уклонившимся от дуэли» [21, с. 173]. Почему Лермонтов поступил так и почему Мартынов «поступил противу всех правил чести и благородства, и справедливости. Ежели он хотел, чтобы дуэль свершилась, ему следовало сказать Лермонтову: извольте зарядить опять ваш пистолет. Я вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться вас убить» [21, с. 173]. Мартынов не выстрелил в воздух и не потребовал второго выстрела от Лермонтова. Тогда обстоятельства гибели Лермонтова уже свидетельствуют об убийстве, а не о дуэли.

К сказанному следует добавить, что в материалах для биографии Лермонтова в собрании его сочинений под ред. Д. И. Абрамовича (1913), в 5 т., находящемся в библиотеке Брюсова, рукою поэта подчеркнут абзац: «Мартынов передавал своему сыну, что Лермонтов стоял в рейтузах и красной канаусовой рубашке и с кажущейся или действительно беззаботностью стал есть вишни и выпле-

вывать косточки». Весь абзац обведен вопросом, после – рукою Брюсова – «из Пушкина?» [22, с. СХХ]. Возможно, беспечность под дулом пистолета и эпизод с вишней <черешней у Пушкина> на дуэли графа и Сильвио напомнили Брюсову описание дуэли Лермонтова. Какого рода была беспечность его и его спокойствие под дулом пистолета Мартынова, пожалуй, никто не ответит, так же как и на многие другие вопросы из его жизни-загадки. Но загадка настолько притягивает к себе, что вновь и вновь требует разгадки, новых и новых версий.

Свою точку зрения на гибель Лермонтова высказывал С. Шувалов: «Лермонтов не дорожил земной жизнью, – напротив, он как будто искал смерти, торопясь „домой“ – в иные сферы бытия; но оборвать нить жизни собственной рукою поэт не решался, и едва ли когда-нибудь серьезно думал об этом (указания этого рода... в юношеских драмах „Люди и страсти“ и „Странный человек“, имеющие несомненное автобиографическое значение). Лишить себя жизни – значило бы бросить, так сказать, перчатку божеству, пойти на полный разрыв с ним, но этого поэт не мог сделать, да и не хотел: ведь он все же любил Всесильного, и в отдельные моменты жизни обращался к нему с чисто сыновней преданностью» [23, с. 160–161]. Иными словами, дуэль – добровольный уход из жизни вместо открытого самоубийства, на которое поэт действительно не мог пойти. Вера в рок и вызов ему – это все тот же фаталистический эксперимент, о котором говорил в своей статье о поэте В. С. Соловьев и который, по его мнению, ставил Лермонтов как в жизни, так и в своих произведениях. Согласимся, что итогом эксперимента дуэли в романе явился отказ Лермонтова стрелять в Мартынова: у автора «Героя нашего времени» был опыт выстрела Печорина в Грушницкого. В статье «М. Ю. Лермонтов» А. Ф. Кони писал: «Но, тем не менее, встречи с ним были роковыми и тяжкими и даже его смерть была тяжким по отношению к нему самому самоубийством...» [24, с. 118] Известный адвокат отмечал, что поведение Лермонтова не оставляло никакого выбора Мартынову, который вынужден был принять вызов поэта. Следовательно, вся вина за смерть Лермонтова на нем самом – это то же самоубийство.

И. М. Андреев дал свою интерпретацию гибели Лермонтова: «Бессознательно он жаждал смерти как единственного возможного выхода из безысходного для него на земле, при земном существовании душевного страдания. Господь сжалился над этой многогрешной душой, так мучительно всю жизнь тосковавшей по небу и так безнадежно привязанной к земле, и послал ему смерть без страдания, в лучший момент его жизни, когда он перед

лицом ожесточенного и злобного врага, улыбаясь, смотрел на небо и горы, приговариваясь выстрелить в воздух.

Очень возможно, что глядя с улыбкой на небо, он видел в нем Бога и безмолвно молился Ему тоскующим сердцем.

О возможности такой молитвы молча свидетельствуют найденные у него в его скромном жилище после кончины четыре иконы и серебряный крестик, вызолоченный, с частями св. мощей.

Одна икона была св. Иоанна Воина – благословение любящей и любимой бабушки.

Если с обыденной человеческой точки зрения смерть 26-летнего гениального поэта М. Ю. Лермонтова была трагически бессмысленна, то с религиозной точки зрения – она должна быть признана глубоко осмысленной и знаменательной» [7, с. 201–202]. Во всяком случае, понимание смерти поэта как его «духовное поражение» (М. Дунаев в указанной работе) ошибочно и безосновательно. Не стрелявшего в человека на дуэли Лермонтова М. Дунаев «приговорил» к «духовному поражению» за убийство его героем, Печориным, другого героя, Грушницкого, подготовившего убийство.

Д. Андреев писал: «Смерть Лермонтова не вызвала в исторической Европе, конечно, не единого отклика. Но когда прозвучал выстрел у Машука, не могло не содрогнуться творящее сердце не только Российской, но и Западных метакультур, подобно тому, как заплакал бы, вероятно, сам демиург Яросвет, если бы где-нибудь на берегах Рейна оборвалась в двадцать семь лет жизнь Вольфганга Гёте.

Значительную часть ответственности за свою гибель Лермонтов несет сам. Я не знаю, через какие чистилища прошел в посмертии великий дух, развязывая узлы своей кармы. Но я знаю, что теперь он – одна из ярчайших звезд в Синклите России, что он невидимо проходит между нас и сквозь нас, и что объем и величие этого творчества непредставимы ни в каких наших предвещениях» [8, с. 197].

Как видно все перечисленные различные мнения о гибели Лермонтова при незначительной разнице сводятся к нескольким представлениям. Мнение Н. Лосского и И. Андреева: Бог сжалился и исполнил просьбу поэта – ускорил смерть, так им желанную. Большинство же писавших рассматривают смерть Лермонтова как самоубийство – добровольный уход: бросил жизнь от себя, презирал жизнь, искал выход из осознания трагичности своего существования, не мог пойти на прямое самоубийство. О трагизме жизни людей, постоянно ищущих ответы на «проклятые вопросы», много размышлял Мережковский. Он писал: «Такие разные, но одинаково современные люди, как Мопассан

и Гаршин, Ницше и Глеб Успенский, одинаково сходят с ума. И Достоевский скользил по краю той же пропасти. Л. Толстой, это воплощенное душевное здоровье, некогда прятал от себя ружье, чтоб не застрелиться, веревку, чтобы не повеситься. И теперь, уже каменя в своей старческой мудрости, не выдержал, вдруг закричал: „Накиньте намыленную веревку на мою старую шею!“ Отчего не умолкает в ушах этот крик, раздавшийся точно крик последнего ужаса, последнего безумия, не только над Россией, но и над всем человечеством?» [25, с. 139–140]. Спасение от такого безумия он видел только в религии: «Чудо исцеления – первое чудо религии» [25, с. 140]. Учитывая последние стихотворения Лермонтова – «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк» и другие, можно предполагать, что «чудо исцеления» – «чудо религии» было знакомо поэту, что чувство Бога усиливалось к концу жизни. Чудо как результат веры, а не наоборот.

Дуэль = самоубийство = добровольный уход из жизни временной для жизни вечной. Это также устоявшийся взгляд на гибель Лермонтова, взгляд людей верующих, по всей видимости, не просто религиозных, но именно верящих в бессмертие человеческого духа, верящих так же сильно, как в это верил поэт.

Поэзия была для него порой лишь «жар души, растроченный в пустыне»; ощущение трагизма судьбы поэта-пророка он показал в «Пророке». Осознание своего предназначения, или лучше сказать: убеждение в правильности наконец-то разгаданного своего предназначения, и одновременно убеждение в истинности своих ранних пророчеств преждевременной смерти, осознание трагичности своей судьбы, судьбы поэта-пророка. Смерть на поле боя в час славы – это вполне предсказуемая смерть для воина, славный подвиг совершающего. Но смерть поэта-пророка... Почему поэт всегда опасался быть непонятым в своем творчестве? Почему пророчествовал «оклеветанный стих», почему был так уверен в нелицеприятном суде «толпы лукавой»? Почему трагедию своей судьбы так упорно связывал с творчеством?

Пятое общее место критики – понимание трагедии Лермонтова как трагедии творчества. Так, Л. Шестов противопоставлял творчество Пушкина творчеству Лермонтова и Гоголя, которые «оказали большое, огромное влияние на мирозерцание дальнейших поколений. Но, к счастью, не им дано было стоять во главе умственной нашей жизни». Лермонтова он объединяет с Гоголем, о котором говорит, что последний «пал жертвою своего творчества. Он не разрешил загадки сфинкса и сфинкс – сожрал его» [26, с. 198]. То же самое произошло, по мысли Л. Шестова, и с Лермонто-

вым: «Нам не суждено было видеть разложение его могучего таланта: услужливая пуля избавила его от гоголевской судьбы. Но мы знаем по мотивам его творчества, какие тяжелые пытки приходилось выносить ему. Ведь он в 25 лет сказал: „...и жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, такая пустая и глупая штука“. А его стихотворение “Не верь себе, мечтатель молодой”! Кто в силах победить в себе ужас и отвращение к жизни перед лицом таких образов, какие преследовали Лермонтова?» [26, с. 198]. В гибели Лермонтова философ увидел спасение для поэта, спасение от того, чтобы поэт «не пал жертвою своего творчества».

Во многом именно творчеством поэта объясняет жизненную трагедию Лермонтова и Вяч. Иванов: «В другие времена Лермонтов стал бы провидцем, или гадалщиком, или одним из тех поэтов-пророков, чьей власти над толпой он завидовал. Они, верные, по его мнению, своему истинному предназначению, еще не торговали своими внутренними муками и восторгами, выставляя их на потеху равнодушной и рассеянной толпы. Современный поэт обречен на компромиссы и умолчания, ему недостижимо созвучие слагаемых им песен с голосами, наполняющими его душу, оракулами темными и невнятными вдохновляющего их божества: посмел бы он привести на пошлый пир свою высокую, неистовую, обуянную силой Бога подругу? Чернь аплодирует или освистывает поэта, как комедианта; печальное ремесло! Лучше расточить жизнь в беспечных делах, растратить в низменных уладах, опрокинуть в один миг отравленный кубок! Разгневанный романтик бросает в лицо светской черни „железный стих, облитый горечью и злостью“: „facit indignatio versum“ <негодование порождает стих – лат.>» [27, с. 153–154].

И действительно, поэт сам неоднократно характеризовал специфику своего творчества. В последний год жизни, в 1841 г., Лермонтов пишет стихотворение «Оправдание»: «Когда одни воспоминанья / О заблуждениях страстей, / На место славного названья, / Твой друг оставит меж людей, – / И будет спать в земле безгласно / То сердце, где кипела кровь, / Где так безумно, так напрасно / С враждой боролась любовь...» [13, т. I, с. 459]. Любви требовался «железный стих, облитый горечью и злостью», любовь боролась с враждой... Это все та же чаша, о которой много думал поэт: «добра и зла / Он дал мне чашу» [13, т. I, с. 506]. Что перевешивает на этой чаше весов? То и пел певец. Но обратимся опять к записной книжке с последними стихами поэта. Что перевешивает? И все-таки верх берет любовь, мера добра из чаши. И вместе с тем опять и опять видения собственной ранней смерти – его «Сон», знаменитое «сновидение в кубе»

(В. Соловьев). В. Н. Топоров пишет: «Видение своего мертвого тела, носителя Я, как бы гарантирует свободу от него, исключает его возвращение. ...Но никому не известны интервалы между такими видениями и подлинной смертью и то, что испытывает в этом временном пространстве „промежуточная“ жизнь. Именно поэтому так страшно гадать о том, что все-таки стояло за строками лермонтовского „Сна“ (В полдневный жар в долине Дагестана...) с его двуединым видением» [28, с. 68].

«Страшно гадать»... Но рискнем. Может быть, за строками стихотворения стояло все усиливавшееся ощущение того, что Пророк в нем выше, сильнее Поэта. Здесь не идет речь ни в коей мере о поэтическом даровании. Поэт окончательно разгадал свое предназначение, ответил на вопрос «К чему Творец меня готовил?» Неслучайно, наверное, видение дальнейшего жизненного пути Лермонтова, живи он дольше, связано с прогнозированием его пророческого служения, ставшее еще одним общим местом в религиозно-философской критике.

Как видим, при разнообразии идей, в разное время владевших представителями русской религиозной мысли, их взгляд на смерть Лермонтова не столь уж разнообразен и противоречив. Серебряный век русской литературы был временем религиозных исканий, получивших название «богоискательство». Своей жизнью и своими произведениями писатели, мыслители и религиозные фи-

лософы утверждали право личности на поиски Бога, на «религиозное удостоверение» (И. А. Ильин). Они подробно рассказывали о религиозном пути сознания. Для них неотъемлемой частью их религиозного осмысления жизни и мира становился Лермонтов, в произведениях которого они находили ответы на мучающие их вопросы. Не менее притягательной оказалась и такая загадочная судьба поэта. А. Белый писал в мемуарах «Начало века»: «Лермонтов – арена борьбы: в него вцепилась романтика Вл. Соловьева; в него, как клещ, впился Розанов: Лермонтов в двойном понимании сам двойной, – образ ножиц, разрезающих души» [29]. Религиозные философы пытались понять и себя, когда писали такие разные, но и такие похожие статьи о Лермонтове: от «прокурорской», «изуверской» статьи В. Соловьева до написанной через 9 лет «оправдательной» статьи Д. Мережковского⁴. Для анализа религиозности поэта, религиозно-философской тематики творчества Лермонтова литературная критика религиозных философов может выступать в качестве методологической основы для исследования значения религии в художественном мирозерцании поэта и представлять интерес в историко-функциональном аспекте.

Что же касается взгляда на поэта как на мистика, а на его гибель как на метафизически значимую, то можно констатировать, что этот взгляд также стал общим местом критики поэтов и философов Серебряного века.

Список литературы

1. Розанов В. В. Мимолетное. 1915 // Русская идея. М., 1992. С. 258–294.
2. Мережковский Д. С. О причинах упадка, о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. ПСС. Т. XV. Ч. 1. М., 1912. С. 206–305.
3. Цит. по: Трушенко Е. Ф. К. Д. Бальмонт в зарубежье // Русское литературное зарубежье. Вып. 1. М., 1991.
4. Колтоновская Е. Лермонтов и современность // Русская мысль. 1914. Кн. X. С. 122–126.
5. Розанов В. В. «Вечно печальная дуэль» // Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского / СС под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1996. С. 287–299.
6. Дурьлин С. Судьба Лермонтова // Русская мысль. Москва-Петербург, 1914. Кн. X. С. 1–30.
7. Андреев И. М. Русские писатели XIX века. М., 1999. 535 с.
8. Андреев Д. Роза мира. М., 1993. 303 с.
9. Цит. по: Никитин, Михаил. Идеи о Боге и судьбе в поэзии Лермонтова. Нижний Новгород, 1915. 48 с.
10. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981. 784 с.
11. Розанов В. В. Забытое возле Толстого // Розанов В. В. О писателях и писательстве. / СС под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 470–473.
12. Розанов В. В. О Лермонтове // Розанов В. В. О писателях и писательстве / СС под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 641–643.

⁴ См.: Милевская Н. И. Проблема «демонического хозяйства» М. Ю. Лермонтова (в критике В. С. Соловьева) // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе XX века (архетип, мифологема, мотив). Томск, 2002. С. 25–32; Милевская Н. И. Загадки В. С. Соловьева о М. Ю. Лермонтове // Русское литературоведение на современном этапе. Т. I. М., 2006. С. 141–148; Милевская Н. И. Значение литературной критики русских религиозных философов для понимания личности и творчества Лермонтова // VI Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура. М., 2009. С. 64–71.

13. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4 т. Л., 1979–1981.
14. Дунаев М. Православие и русская литература. Ч. II. М., 1997.
15. Андреевский. С. А. Книга о смерти. Ревель; Берлин, 1922.
16. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. 368 с.
17. Брюсов В. М. Ю. Лермонтов // Иллюстрированное ПСС М. Ю. Лермонтова под ред. В. В. Каллаша. Т. II. М., 1914.
18. Тиханчева Е. П. Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван, 1973. 190 с.
19. Адамович Г. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов / сост., вст. ст. и коммент. М. Д. Филина. М., 1999. С. 82–89.
20. Зайцев К. И. О «Герое нашего времени» // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов / сост., вст. ст. и коммент. М. Д. Филина. М., 1999. С. 109–115.
21. Белоконов С. Неизбежимый жребий. Версия гибели Тенгинского пехотного полка поручика Михаила Лермонтова. Ставрополь, 1997. 192 с.
22. РГБ. № 386. В. Я. Брюсов. Библиотека. Ед. хр. 243.
23. Шувалов С. В. Религия Лермонтова // Венюк М. Ю. Лермонтову. Москва–Петербург, 1914. С. 135–164.
24. Кони А. Ф. М. Ю. Лермонтов // Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. Статьи и воспоминания о русских литераторах. М., 1968. С. 114–120.
25. Мережковский Д. С. Пророчество и провокация // Мережковский Д. С. ПСС. Т. XV. М., 1914.
26. Шестов Л. Пушкин // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX век / сост., подгот. текста, вступит. статья и примеч.: Р. А. Гальцева. Москва–Санкт-Петербург, 1999. С. 176–185.
27. Иванов Вяч. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов / сост., вступит. статья и коммент. М. Д. Филина. М., 1999. С. 143–164.
28. Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур / Научный совет по истории мировой культуры. М., 1994. С. 39–75.
29. Lib.ru/Классика: Белый Андрей. Начало века URL: az.lib.ru/b/belyj_a/text_0020.shtml (дата обращения 03.08.2014).

Милевская Н. И., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: milevskaya7@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22.07.2014.

N. I. Milevskaya

VERSIONS AND MYTHS OF THE SILVER AGE ABOUT LERMONTOV'S LIFE AND DEATH

The article gives the versions and myths made by outstanding representatives of religious and philosophical thought and the poets of Silver Century about life and death of Lermontov; analyzes and systematizes their understanding of the tragedy – the death of the poet, identifies common places in their views on the poet (brevity of his life, incompleteness of literary fate and the uncertainty about the religious fate, hypothetical continuation of the poet's life). A view on a duel as a suicide. The Silver Age of Russian literature is the religious quest, known as the “God-seeking”. Writers, thinkers and religious philosophers have argued individual's right to seek God, to “religious identity” (I. A. Ilyin). They talked in detail about the religious way of consciousness. For them an integral part of their religious understanding of life and the world became Lermontov, whose works gave answers to their excruciating questions. No less attractive and mysterious was the fate of the poet. Religious and philosophical themes of Lermontov's works and their literary criticism of religious philosophers can serve as a methodological basis for the study of the value of religion in the artistic conception of the world of the poet and is of interest in the historical and functional aspects. This method is predominant in the article.

References

1. Rozanov V. V. *Fleeting. 1912. Russian Idea*. Moscow, 1992. Pp. 258–294 (in Russian).
2. Merezhkovsky D. S. On the Causes of the Decline and on the New Trends in Contemporary Russian Literature. *Complete works. Vol. XV. Part. 1*. Moscow, 1912. Pp. 206–305 (in Russian).
3. Trushenko E. F. K. D. Balmont abroad. *Russian Literature Abroad*, no. 1. Moscow, 1991 (in Russian).
4. Koltonovskaya E. Lermontov and modernity. *Russian Thought*. Book 10. 1914. Pp. 122–126 (in Russian).
5. Rozanov V. V. “*Eternally Sad Duel*”. *Legend of the Grand Inquisitor which was written by Dostoevskiy F. M.* Collected works. Edited by A. N. Nikolukina. Moscow, 1996. Pp. 287–299 (in Russian).
6. Durylin S. Lermontov's Fate. *Russian Thought*. Moscow – St. Petersburg, 1914. Book X. Pp. 1–30 (in Russian).
7. Andreev I. M. *Russian writers of the XIX century*. Moscow, 1999. 535 p. (in Russian).

8. Andreev D. *The Rose of the World*. Moscow, 1993. 303 p. (in Russian).
9. Nikitin M. *Ideas about God and fate in the poetry of Lermontov*. Nizhny Novgorod, 1915. P. 48 (in Russian).
10. *Lermontov Encyclopedia*. Editor in Chief V. A. Manuilov. Moscow, 1981. 784 p. (in Russian).
11. Rozanov V. V. *Forgotten near Tolstoy. About Writers and writing*. Collected works. pod red. A. N. Nikolukina. Moscow, 1995. Pp. 470–473 (in Russian).
12. Rozanov V. V. *About Lermontov. About Writers and writing*. Collected works. pod red. A. N. Nikolukina. Moscow, 1995. Pp. 641–643 (in Russian).
13. Lermontov M. Yu. *Works in four volumes*. Leningrad, 1979–1981 (in Russian).
14. Dunaev M. *Orthodoxy and Russian literature*. Part II. Moscow, 1997 (in Russian).
15. Andreevskiy S. A. *The book about death*. Revel; Berlin, 1922.
16. Losskiy N. O. *Terms of absolute good*. Moscow, 1991 (in Russian).
17. Bryusov V. M. Yu. *Lermontov. Illustrated complete works of M. Yu. Lermontov*. Pod red. V. V. Kallasha. Vol. II. Moscow, 1914 (in Russian).
18. Tikhancheva E. P. *Bryusov about Russian poets of the XIX century*. Erevan, 1973. 190 p. (in Russian).
19. Adamovich G. *Lermontov. Fatalist. Foreign Russia and Lermontov*. Moscow, 1999. Pp. 82–89 (in Russian).
20. Zaytsev K. I. *About "The Hero of our Time"*. *Fatalist. Foreign Russia and Lermontov*. Moscow, 1999. Pp. 109–115 (in Russian).
21. Belokon' S. *Inevitable lot. Version of the death of the Tenthinsky Infantry Regiment Lieutenant Mikhail Lermontov*. Stavropol, 1997. 192 p. (in Russian).
22. RGL. № 386. V. Y. Brusov. Library. S. u. 243.
23. Shuvalov S. V. *Religion of Lermontov. Wreath to M. Yu. Lermontov*. Moscow – St. Petersburg, 1914. Pp. 135–164 (in Russian).
24. Koni A. F. M. Yu. *Lermontov. Collection of works in eight volumes*. Vol. 6. Articles and memories of Russian writers. Moscow, 1968. Pp. 114–120 (in Russian).
25. Merezhkovsky D. S. *Prophecy and provocation. Collection of works*. V. XV. Moscow, 1914 (in Russian).
26. Shestov L. *Pushkin. Pushkin in Russian philosophical criticism. Late XIX – XX Century*. Moscow – St. Petersburg, 1999. Pp. 176–185 (in Russian).
27. Ivanov V. *Lermontov. Fatalist. Foreign Russia and Lermontov*. Moscow, 1999. Pp. 143–164 (in Russian).
28. Toporov V. N. *Fate and chance. Concept of fate in the context of different cultures. Scientific Council on the history of world culture*. Moscow, 1994. Pp. 39–75 (in Russian).
29. *Classics: Bely Andrey. Turn of the Century*. URL: az.lib.ru/b/belyj_a/text_0020.shtml (Accessed: 03 July 2014) (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, 634061.
E-mail: milevskaya7@yandex.ru